

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ *

Н. Рубинштейн

Философская дискуссия, проведённая летом 1947 г. по книге тов. Александрова «История западноевропейской философии» имеет принципиальное значение для всего идеологического фронта. Тов. Жданов в своём выступлении дал чёткое определение задач и методов марксистской истории философии: «Научная история философии... является историей зарождения, возникновения и развития научного материалистического мировоззрения и его законов. Поскольку материализм вырос и развился в борьбе с идеалистическими течениями, история философии есть также история борьбы материализма с идеализмом»¹.

При этом «одной из основных задач философии и её истории является дальнейшее развитие философии как науки, выведение новых закономерностей, проверка её положений на практике, замена устаревших положений новыми»². Наконец, тов. Жданов определил также пути и методы изучения истории философии, подвергнув критике «немарксистскую трактовку истории философии, как постепенной смены одной философской школы другой», «абстрактный, объективистский, нейтральный» подход к философским учениям³ и предъявив к историческому анализу требование целенаправленности, целеустремлённости.

Указание это, относящееся ко всем работникам идеологического фронта, имеет особенное значение для историографии. Историография, строящаяся на базе диалектического и исторического материализма, принадлежит к числу основных теоретических и методологических исторических дисциплин. Задача историографии — показать в ходе конкретного развития исторической науки процесс преодоления дворянско-буржуазных идеалистических концепций в исторической науке и последовательного утверждения подлинно научного, материалистического, марксистско-ленинского понимания истории. Историография должна вскрыть природу отдельных исторических воззрений и сущность всего историографического про-

цесса исходя из марксистско-ленинского учения.

Буржуазная историография рассматривает развитие исторической науки как простую смену одной школы другой в порядке последовательной эволюции. Именно эту ошибку отметил А. А. Жданов и в работе Г. Александрова⁴. Впротивовес этому А. А. Жданов напомнил указание Энгельса: «Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения»⁵.

Применительно к историографии это значит, что отдельные исторические школы и направления, их теоретическая и методологическая позиция определяются прежде всего классовыми противоречиями породившей их общественно-экономической формации и должны рассматриваться в системе соответствующих общественных отношений. Они существуют и развиваются не сами по себе, а в системе идеологического развития своего времени, отражая развитие и смену социально-экономических формаций. Отсюда именно смена формаций и господствующих классов определяет периодизацию в области историографии (как и идеологического развития вообще). При этом соотношение отдельных школ и направлений в рамках каждой отдельной формации отражает уровень общественного развития и соотношение классовых сил в каждый данный период, что в свою очередь определяет место каждой исторической школы внутри соответствующего формационного этапа.

Так, для первой половины XIX в., когда рядом с дворянской школой оформление буржуазной исторической науки, Карамзин представлял в русской исторической науке дворянско-аристократическую реакцию; в лице Погодина и Кавелина выступало своеобразное переплетение дворянской и буржуазной идеологии; с Соловьёвым связано буржуазно-либеральное направление в исторической науке, а представители демократической революционной интеллигенции 40-х годов Белинский и Герцен являлись прямыми предшественниками революционных демократов 50—60-х годов.

Во второй половине XIX в., в условиях общей победы капиталистической формации

От редакции. Настоящей статьёй редакция открывает обсуждение вопроса о содержании и построении курса русской историографии и в связи с этим обсуждение книги проф. Рубинштейна «Русская историография», вышедшей в 1941 году.

¹ «Вопросы философии», кн. 1-я за 1947 г., стр. 257.

² Там же, стр. 265.

³ Там же, стр. 259, 262.

⁴ Там же, стр. 253.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 421. 1947.

в России и в то же время её быстро назревающего кризиса, реакционная дворянско-буржуазная идеология находит своё выражение в государственной юридической школе, в попытках возврата к прагматизму XVIII в., а буржуазно-либеральная историография испытывает влияние материалистических тенденций и переходит на позитивистские позиции, быстро выявляя, однако, их внутренние противоречия и идеалистическую природу. В то же время передовая демократическая линия оформляется сперва в материализме революционных демократов, чтобы в последней четверти века, на базе развивающегося рабочего движения, придти к историческому материализму.

Наконец, эпоха империализма, наступающая на рубеже XIX и XX вв., отмечена конечным кризисом буржуазной исторической науки и оформлением марксистско-ленинской историографии.

Но определение социальной природы и сущности исторической теории — лишь одна сторона вопроса. Общественная формация представляет собой не просто сумму противоречий, а борьбу противоречий. Борьба за материализм в философии противопоставляется А. А. Ждановым изображению истории философии в виде плавного эволюционного хода «развития путём нарастания количественных изменений»⁶. Точно так же и развитие исторической науки совершается в условиях острой идеологической классовой борьбы, вне которой не может быть понято её развитие, при этом самое историографическое изучение не стоит вне этой борьбы, ибо эта борьба определяла ведь те основные вопросы исторической науки и исторической жизни, решение которых стояло в центре общественной жизни и сохранило своё жизненное значение для науки и по настоящее время. Именно поэтому не может и не должно быть того формального объективизма, сущность которого так остро разоблачил Ленин, противопоставив ему требованием острей и боевой партийности в науке. Такова другая сторона марксистской историографии.

Историческая наука создаётся ещё в рамках дворянского, феодального общества и поэтому первоначально представляет идеологию дворянства. Лишь в конце XVIII в. можно говорить в России о первоначально отмежевании вызревающих буржуазных историографических тенденций (Новиков, Крестинин, Чулков). Первая половина XIX в. отражает уже непосредственную борьбу буржуазной и дворянской исторической мысли. Борьба Каченовского, Полевого, наконец, Соловьёва против Карамзина явилась непосредственным проявлением этой борьбы. В то же время Беллинский представляет новое различное направление в русском общественном движении, выступает «предшественником русской социал-демократии»⁷ и стихийно подходит к новому классовому пониманию исторического развития. В лице революционных де-

мократов 50—60-х годов, Добролюбова и Чернышевского, материалистическое направление в России вступает в непосредственную борьбу с буржуазными, идеалистическими учениями. При этом необходимо помнить, что ранний материализм оказывается часто несоблюдательным именно в понимании общественных явлений, исторического развития; на это указал ещё Плеханов, говоря о французском материализме XVIII века⁸. Материалистическое направление в домарксистской исторической литературе сказывается прежде всего в форме экономического материализма, но получает значительно более широкое распространение в связи с передовым общественным движением. Именно поэтому изучение борьбы за материалистическую историческую науку не может замыкаться в рамках так называемой «академической» науки; развитие исторической мысли в борьбе общественной идеологии должно быть отведено надлежащее место в марксистской историографии.

Наконец, борьба за марксистскую историографию определяет развитие исторической науки конца XIX — начала XX в., а её расцвет относится к советскому периоду русской историографии. Отсюда вытекает прежде всего, что в отличие от буржуазной историографии, которая ставит во главу угла только процесс непосредственного накопления конкретных исторических знаний, марксистская историография, подобно истории философии, обращена прежде всего к развитию «научного мировоззрения», т. е. к выяснению теоретических и методологических основ науки. Марксистская историография есть прежде всего история научной исторической мысли, которая раскрывается в воззрении ведущих представителей науки, в общей системе их научных взглядов. При этом самое конкретное содержание их научной работы, круг изучаемых вопросов, тематика, источники, наконец, основные конкретные итоги определяются теоретической направленностью их исследований, служат выявлению их социальной, общественной направленности. Последнее, а не само по себе решение того или иного конкретного вопроса, определяет вместе с тем, конечную общую оценку историка и его историческое значение.

Но в то же время отдельный историк может быть правильно понят лишь в перспективе и в системе общего развития самой науки. Отдельные научные теории существуют не сами по себе, а в определённом взаимодействии и борьбе. Историография заключается не в простом последовательном рассмотрении отдельных историков, механически сменяющих друг друга, — она изучает их в системе исторических воззрений и борьбы идей данной исторической эпохи, определяющей историографическое место каждого данного историка и его значение. Соответственно тот или иной историк, сделавший, может быть, значительный вклад в дело накопления конкретных исторических знаний, может в то же время оказаться в

⁶ «Вопросы философии». Кн. 1-я за 1947 г., стр. 257.

⁷ Ленин. Соч. Т. IV, стр. 381.

⁸ Плеханов Г. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», гл. 1-я.

стороне от основных путей развития науки, её теоретического роста. Так, деятели русского источниковедения и археографии XVIII в. (Новиков, Миллер, Бантыш-Каменский, Крестинин и др.) много сделали в смысле накопления конкретных исторических знаний. Но основная линия развития научной исторической мысли XVIII в. определялась всё же не ими, а шла от Татищева к Ломоносову и от него к Щербатову и Болтину, а через них — к XIX веку. В конце XIX — начале XX в. Ключевский и его школа немало сделали в области изучения экономической истории и социально-правового строя, но их теоретические позиции в конечном счёте определялись теорией государственной школы, отражавшей кризис буржуазной историографии. В то же время вышедший из юридической школы историк Н. П. Павлов-Сильванский отражал уже борьбу новых передовых идей в исторической науке, влияние складывающейся марксистской историографии, попытку преодоления методологической ограниченности буржуазной историографии конца XIX века.

В этой связи получает своё место в историографии и конкретное, так сказать, материальное, развитие исторической науки. Теоретический рост науки является основой и условием её конкретного развития и в то же время сам на него опирается. Общее развитие науки сказывается прежде всего в её дифференциации и специализации; так выделяются специальные исторические дисциплины (археология, историческая география, историография) и специальные отрасли исторического знания (славяноведение, византиноведение и т. д.). Расширяется и углубляется конкретная проблематика исторического изучения.

Постановка исторических вопросов диктуется их исторической значимостью для данного этапа научного и общественного развития. При этом степень теоретической зрелости науки раскрывается как в постановке вопросов, так и в глубине их теоретического раскрытия. Соответственно определённые итоги конкретного исследования входят в основную инвентарь науки. Выявление этих итогов — необходимая предпосылка дальнейшего развития самой науки⁹, что входит в задачу историографии.

Так, история, представляющая до XVIII в. простое прагматическое повествование, в процессе национально-политического развития России XVIII в. приходит к идее единства государственного развития России и к установлению политической периодизации её истории. Сама проблематика её ещё крайне ограничена: вопрос этногенеза (происхождение руси), политика Ивана IV и реформы Петра I привлекают к себе общественное внимание. При этом наука остаётся ещё беспомощной в их разрешении.

Обострение классовой борьбы и осознание классовых противоречий в первой половине XIX в. приводят буржуазную историографию к осознанию закономерности исторического развития. Проблема буржуазного развития России, проблема народности, отно-

шение истории России и славянства, России и Западной Европы, проблема отсталости исторического развития России, петровские реформы — таковы основные вопросы, отражающие и рост зрелости русской науки на этом этапе.

Утверждение капиталистической формации в России во второй половине XIX в. широко ставит вопросы экономического и в частности капиталистического развития России, истории крестьянства и рабочего класса, истории общественной мысли и революционного движения, рассматриваемые, однако, ещё в большей своей части с буржуазных (или мелкобуржуазных) идеалистических позиций.

Оформление марксистско-ленинской историографии в России в конце XIX — начале XX в. в трудах Ленина и Сталина открывает новую эпоху в развитии науки и подвергает пересмотру всё понимание исторического материализма, раскрывает подлинный путь развития капитализма в России и его загнивание, путь революционной борьбы за пролетарскую революцию.

Победа пролетарской революции и развитие советской историографии, вооружённой методом исторического материализма и опирающейся на исторические труды Ленина и Сталина, открыли небывалые возможности полного и всестороннего охвата проблематики истории России в перспективе достигнутого ею нового, высшего этапа исторического развития. В свете новых научных достижений и критической проверки прошлого историк получает в то же время меру историографического понимания прошедших этапов.

Соответственно для разрешения поставленных задач конкретное изучение развития исторической науки в каждый период должно слагаться из трёх основных разделов: 1. Общее развитие исторической науки в целом. 2. Теоретический и методологический рост науки в борьбе основных школ и направлений в перспективе возникновения и развития материалистической науки. 3. Основные проблемы и итоги исторического изучения за данный период. Последние могут быть правильно поняты и оценены лишь в завершающей перспективе состояния исторической науки на современном этапе советской историографии.

В соединении всех указанных элементов историографического изучения развитие науки каждого народа выступает как органически единый и самостоятельный процесс. Русская буржуазная историография рассматривала русскую историческую науку, равно и всю историю России, как продукт чужеземного влияния, как простое отражение западноевропейской исторической науки. Определённые моменты отставания русского исторического процесса выдавались буржуазной историографией за абсолютную отсталость русского народа. Советская марксистская наука разоблачила классовую направленность этой трактовки русского исторического процесса. Она показала, что низкопоклонство русской буржуазии и русских помещиков перед Западом имело целью идеологическими средствами закрепить элементы

⁹ «Вопросы философии». Кн. 1-я за 1947 г., стр. 265.

отсталости вопреки реальному историческому развитию. Эта теория служила идеологическому обоснованию закабаления русского народа русским царизмом и западноевропейским империалистическим капиталом в интересах господствующих реакционных классов дореволюционной России — русских помещиков и русской монополистической буржуазии, сковыванию революционных сил народов России, возглавляемых самой революционной в мире большевистской партией.

Марксистское понимание органичности идеологического развития народа как непосредственного отражения материального процесса его общественного развития с самого начала исключало такое понимание вопроса. В подлинно научном смысле развития науки, как и идеологии вообще, определяется ходом общественного развития каждого народа в его конкретной национальной обусловленности.

Таким образом, вопрос стоит не об определяющем влиянии иностранной науки, а об известном взаимодействии. На характере этого взаимодействия в XVIII в. и в первой половине XIX в. не могло не сказаться известное отставание исторического развития России, определившее, в частности, для этих этапов более раннее оформление известных теоретических тенденций и направлений в буржуазной исторической науке Западной Европы. Таковы исторические направления, сложившиеся в итоге французской буржуазной революции 1789 г. (напр., французский романтизм Ог. Тьера или историческая школа Гизо); таковы позитивистские социологические теории Конта, Спенсера и др. Пришедшая к постановке конкретных вопросов и к их определённому разрешению в силу внутреннего развития русская историческая наука не могла пройти мимо тех законченных определений и теоретических обобщений, которые на той же материальной основе оформила прежде неё западноевропейская наука. Но речь шла при этом не о влиянии чужой науки, порождающей соответствующие теоретические направления в русской науке, а об использовании самостоятельно сложившейся национальной наукой известных результатов чужой науки. При этом, как правило, имело место критическое использование, зачастую направленное на преодоление ограниченности используемой теории и уже тем самымдвигающее самоё науку вперёд. Таково, например, отношение петрашевцев к философии истории Фурье, Соловьёва к Боклю, Чернышевского к Фейербаху.

Самое отставание имело временный характер. Уровень развития всё более выправивается во второй половине XIX века. Россия оказалась родиной ленинизма. Слабость русской буржуазии и передовой революционный характер российского пролетариата, руководимого боевой партией Ленина — Сталина, определили победу социалистической революции в России. Россия стала передовой страной мира. Товарищ Сталин указывал на влияние ленинизма на развитие мировой общественной мысли и мировой науки. Вооружённая великим учением Ленина — Сталина, русская советская исто-

рическая наука теперь стоит в авангарде мировой исторической науки.

Понимание органичности развития исторической науки определяет вместе с тем границы или рамки и структуру рассмотрения общего развития исторической науки в СССР. Иностранная литература по истории СССР не имеет самостоятельного значения для русской историографии, в лучшем случае она является отражением русской историографии в западноевропейской литературе, в целом же она относится к исторической библиографии. Отдельные работы приобретали самостоятельное значение лишь в тех случаях, когда автор органически общался с русской исторической наукой и служил её задачам, но в этом случае они уже не могут рассматриваться как произведения иностранной исторической науки (таковы, например, историко-ведческие работы Миллера в XVIII веке).

Другой вопрос касается отношений историографии СССР и русской историографии. Историография СССР может быть построена лишь в итоге разработанной русской историографии и национальной историографии отдельных народов Советского Союза, связи между которыми устанавливались в разное время и достигали разного уровня (такое различие между Украиной и Белоруссией, с одной стороны, народами Закавказья и Средней Азии — с другой). В ряду отдельных народов СССР историографии русского народа, в силу его исторической роли, принадлежит при этом особое, первенствующее значение.

Указанным положениям, определяющим, таким образом, требования современной советской науки к построению марксистского курса русской историографии, не может удовлетворить тот курс «Русской историографии», который был напечатан в 1941 г., а разрабатывался в 1936—1939 годы. Явившись первым опытом построения советской историографии, этот курс не смог полностью освободиться от влияний и традиционных положений старой историографии и с должной последовательностью и полнотой разрешить задачу создания настоящей марксистской историографии.

Хотя эта работа и делала первую попытку анализа основных школ и направлений в связи с их социальными истоками, в соответствии с развитием общественных формаций в общей системе идеологического развития, и соответственно строила самую периодизацию историографического процесса, но при этом не получила должного раскрытия самая борьба за передовую и прежде всего за материалистическую науку, борьба идеологическая как движущее начало развития науки. Отсюда неизбежный элемент эволюционизма и «академизма» в самой трактовке развития исторической науки. Роль общественной мысли и общественной борьбы в этом развитии не получила в результате своего настоящего отражения в работе. В качестве завершающего этапа в работе показано учение Ленина и Сталина, развитие ими теории исторического материализма и разработка истории СССР. Но то, что они были даны в отрыве от общего развития советской исторической науки, непосред-

венно реализующей результаты их работы (этот раздел в то время не был ещё разработан автором), показывало их скорее как итог предшествующего развития, а не как революционное утверждение новой исторической науки. Вместе с тем именно в свете достижений современной советской исторической науки отчётливо выступила бы и наша историографическая оценка предшествующих этапов русской исторической науки.

Далее, противопоставив старому библиографически описательному методу дворянско-буржуазной историографии изучение теоретического и методологического развития исторической науки, автор «Русской историографии» сосредоточил своё внимание на углублённом изучении отдельных историков, но при этом из поля его зрения выпало в известной мере развитие самой науки как целого, обобщение конкретных достижений национальной науки. В результате отдельные историки выступили как бы обособленно, изолированно друг от друга. В отсутствии целостного, конструктивного рассмотрения зачастую терялась научная перспектива, определяющая удельный вес каждого историка. Так, невыявленность основных линий развития исторической науки XVIII в., отсутствие разграничения между линией теоретического осмысления самого исторического процесса и разработкой вспомогательной источниковедческой тематики неизбежно создавали ложную перспективу в оценке историографического значения, с одной стороны, Ломоносова, с другой — Миллера.

В историографии не были подведены конкретные итоги каждого исторического периода, и тем самым в значительной мере утрачивалась та целеустремлённость, целенаправленность, которую требовал от истории философии тов. Жданов. Такие центральные исторические проблемы, как проблема славянского этногенеза (норманская теория и её критика), проблема крестьянских войн, генезиса капитализма в России, проблема самобытности и особого пути развития России, явились в своё время предметом острой идеологической борьбы, к содержанию которой историограф обязан подойти со всей партийной принципиальностью. Она требует историографического обобщения и

оценки. Последняя не всегда может найти своё место в рамках «монографического» рассмотрения отдельного историка. Было бы неправильно оценивать деятельность Татищева или Соловьёва, исходя из принятия ими норманской теории. Но как итог определённого историографического периода эти вопросы должны определять действительное движение науки.

Из указанного построения работы вытекает также отсутствие чёткости в трактовке вопроса о чужеземных влияниях. Недостаточно развёрнутый и потому не всегда чёткий анализ внутреннего органического формирования отдельных школ и направлений и отсутствие целостного рассмотрения общего развития науки в конечном счёте и здесь разбивало необходимую историческую перспективу. В результате, выявление конкретных связей и внешних идеологических влияний в ряде случаев неправомерно выступало на первый план и получало самодевятое значение. Так получилось с влиянием Нибура на Каченевского, немецкого романтизма — на славянофилов, Гегеля — на Соловьёва, западной социологии — на русскую мелкобуржуазную историографию второй половины XIX века.

В этом, как и в некоторых других вопросах, сказалось, несомненно, и известное давление историографической традиции, установившихся оценок, от которых автору не всегда удавалось полностью освободиться. Это относится, в частности, к оценкам Карамзина и Эверса, к недоведённому до конца пересмотру традиционной трактовки так называемой «скептической школы», к неполному и в известной мере одностороннему освещению славянофильской историографии.

Мы остановились на основных и наиболее существенных вопросах. На примере своей собственной книги мы хотели показать, какие выводы следуют для историков из философской дискуссии.

Указанные выводы и специальное выступление А. А. Жданова определяют те задачи, которые стоят перед коллективом советских историков в настоящее время в деле создания марксистско-ленинского труда по русской историографии.